

ЭЛИТЫ В ГЕРМАНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Урсула Хофман-Ланге

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.2>

Аннотация. В статье анализируется роль социальных и политических изменений в развитии элит Германии с начала XX века. Показано, что смены режима, которые испытала Германия, по-разному повлияли на структуру и перспективы элит. Установление Веймарской республики в 1919 году характеризовалось высоким уровнем элитной преемственности. Аналогично, демократизация в Западной Германии после 1945 года не привела к обширной трансформации элиты, за исключением политического и медийного секторов. Напротив, учреждение идеократических режимов, как в случае прихода к власти Национал-социалистов в 1933 году, так и после коммунистического поглощения Восточной Германии в 1945, привело к замене ранее автономных социетальных элит лояльными последователями. Объединение Германии в 1990 уникально тем, что оно было достигнуто включением бывшей ГДР в устойчивый демократический порядок Западной Германии, который ассоциировался со значительным элитным трансфертом из западных земель.

В последние десятилетия два главных социетальных тренда вызвали изменения в структуре принятия политических решений. В результате увеличения объема государственных полномочий в Германии произошло значительное расширение политического персонала. Однако, вызывает сомнение, привело ли это к формированию политического класса с общими интересами, так как этот сектор является достаточно гетерогенным. Второй тренд — политическая мобилизация рядовых граждан — вызвал появление многочисленных протестных движений, рост электоральной волатильности, увеличение числа новых партий и их распространение, а также усиление ротации в парламентах. Современные германские элиты

вынуждены представлять гораздо более широкий спектр интересов. До сих пор они успешно справились с этими вызовами. В то же время политическая поляризация значительно усилилась.

***Ключевые слова:** элиты Германии, изменение элиты, элитный трансферт, изменение режима, политический класс, профессионализация политики, политическая мобилизация.*

ВВЕДЕНИЕ: ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМНЫ КАК ДВИГАТЕЛЬ ЭЛИТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Политические турбулентности XX века оставили в Германии глубокие следы. Страна пережила пять смен режимов. После проигранной Первой мировой войны Германская империя была заменена Веймарской республикой, в 1933 г. к власти пришли национал-социалисты и установили фашистский режим. Сокрушительное поражение немецкого Рейха во второй мировой войне и переход власти к войскам союзников (Советский Союз, США, Великобритания, Франция) привели к полной утрате суверенитета страны. Последовало разделение Германии и отделение ее восточных районов, которые были частично присоединены к Польше, частично к Советскому Союзу. Западные союзники с 1945 по 1949 гг. способствовали созданию в своей оккупационной зоне либеральной демократии и позволили в итоге летом 1949 г. образоваться Федеративной Республике Германии. Одновременно в Восточной Германии в условиях советской оккупации было учреждено коммунистическое государство с централизованным плановым хозяйством — Германская Демократическая Республика. После политического краха коммунистического режима в ГДР в ноябре 1989 после короткого переходного периода осенью 1990 г. последовало присоединение пяти земель ГДР и Восточного Берлина к ФРГ и установление режима либеральной демократии также и в Восточной Германии.

Немецкая история — хороший пример того, что при таких резких сменах режима элиты играют в ней ключевую роль, а также того, что

вследствие военных конфликтов в ней частично участвуют и внешние элиты, как это было в Германии после 1945 года. Смена режима всегда включает и кадровые перемены. Ведет ли это также к глубокой и устойчивой смене политических элит? Ответ на этот вопрос во многом зависит как от характеристики старого и нового режимов, так и от структуры общества. Это подтверждает опыт Германии и других посткоммунистических стран (Hoffmann-Lange 1997; Hingley & Lengyel 2000). При политической стабильности смена элит происходит непрерывно и состоит, прежде всего, в замене старого руководящего персонала более молодыми кадрами.

Учитывая бурную историю Германии прошедших 150 лет, в центр анализа полезно поставить вопрос о причинах преемственности и изменений в немецких элитах. И здесь можно обратиться к соображениям двух основателей теории элит — Вильфредо Парето и Гаэтано Моска. Оба они занимались вопросами изменений в элитах, но ставили в центр своих размышлений два различных объяснительных подхода. Парето занимался, прежде всего, вопросом о том, при каких условиях господствующие элиты могут успешно противостоять вызовам контрэлит. Он объяснял это соотношением в правящей элите в процессе удержания власти двух основных поведенческих позиций. С одной стороны, это готовность обеспечить поддержание собственной власти через принуждение, с другой — склонность к тому, чтобы путем диалога, тактических уступок и манипулирования массами держать в страхе потенциальные *контрэлиты*. Первый тип элит Парето в духе Макиавелли называл элитой львов, второй — элитой лис. Парето ожидал, что слишком сильная тенденция действий элиты в том или в другом направлении может способствовать приходу к власти контрэлиты, т.е. тому, что действующая элита рано или поздно будет свергнута (Femia 2001: 71– 74). В противоположность этому Моска в своем историческом анализе изменений в элитах представлял воззрение, согласно которому подорвать легитимность существующей элиты и обеспечить подъем новой элиты могут общественные

изменения. Это произойдет в том случае, если старая элита будет не в состоянии приспособиться к новым реалиям и удержаться у власти через связь с новыми общественными группами.

И хотя эти соображения классиков включают лишь некие общие фиксации, в их основных размышлениях можно выделить важные объяснительные факторы элитных изменений. Комбинация обоих приведенных соображений позволяет полагать, что элиты должны сочетать разнообразные компетенции, а также демонстрировать значительную гибкость, чтобы несмотря на постоянные вызовы со стороны новых общественных проблем и оппозиционных общественных сил удерживаться у власти.

В основном классическая модель демократии предполагает, что такая приспособляемость элит обеспечивается посредством регулярных выборов. Они не позволяют демократическим элитам игнорировать новые общественные проблемы, подобно тому, как рынок принуждает предпринимателей приспособлять свои продукты к спросу потребителей. Но на практике данная модель функционирует, все же, не всегда адекватно, так как элиты имеют тенденцию стараться избавляться от контроля избирателей посредством цементирование своей политической власти через институциональные регуляции — например, через ограничения в избирательной системе или через протекцию должностей (*Ämterpatronage*). Также может быть, что объективное давление проблем, например, глубокого экономического кризиса, оказывается столь высоким, что имеющиеся политические партии не способны предложить удовлетворительные решения. Это способствует, с одной стороны, появлению новых политических партий, с другой — выдвиганию требований институциональных реформ или больших возможностей влияния для простых граждан. Но возможно также, что это приводит к тяжелому кризису легитимности, как это произошло в период между двумя мировыми войнами в Германии и некоторых других европейских странах.

Если первые послевоенные десятилетия после 1945 года сопровождались в большинстве западноевропейских стран экономическим подъемом и привели к стабилизации демократии, то экономическая и общественная модернизация, а также глобализация последних десятилетий принесли с собой общественный поворот. Он сопровождается интенсивной сменой элит, которая с 2008 года все больше ускоряется вследствие экономического и финансового кризиса.

СМЕНЫ РЕЖИМОВ И СМЕНЫ ЭЛИТ В ГЕРМАНИИ В XX СТОЛЕТИИ

Преимущество элит при переходе от Германской империи к Веймарской республике. Чтобы понять проблемы и итоговый провал Веймарской республики, важно рассмотреть институциональную и элитную структуру Германской империи. Историки и социологи, имея в виду развитие немецкой демократии, часто представляли тезис об особом немецком пути, который состоял в том, что индустриализация и демократизация в Германии в отличие, например, от Англии и Франции, не шли рука об руку. Это подкреплялось также институциональными аргументами, связанными с образованием Германской империи в 1871 году. Тогда были законсервированы властные структуры конституционной монархии, что существенно отставало от соответствующего демократическому духу времени полноценного парламентаризма. Полнота исполнительной власти была возложена на монарха и ответственное перед ним правительство, которое не нуждалось в вотуме доверия демократически избранного Рейхстага, компетенции последнего ограничивались лишь одобрением законов.

Второй важный фактор — институциональный дуализм исполнительной и законодательной власти. Он благоприятствовал противостоянию этих ветвей власти, что при рекрутировании элит проявлялось также в нараставшем разделении профессиональных

карьер представителей исполнительной и законодательной власти. Если в первой половине XIX века в парламентах немецких государств доминировали госслужащие, то в состав депутатов Рейхстага после 1871 года рекрутировались в возрастающей мере представители других профессий, прежде всего, функционеры политических партий и ассоциаций. (Best 1988, 1989; Sheehan 1976). Это разделение, в основном, соответствует модели президентской системы США. Но поскольку конституционные права Рейхстага были ограничены, а баланс между законодательной и исполнительной властью отсутствовал, это привело в Германии к тому, что престиж депутатов Рейхстага был намного ниже, чем у министров и высшей министерской бюрократии.

Дуалистическая институциональная система Германской империи препятствовала также образованию прагматических политических партий. Поскольку они не несли ответственности за формирование правительства, партии использовали арену Рейхстага, с одной стороны, для артикуляции идеологических программных требований, а с другой — для прагматического представительства интересов собственной электоральной клиентелы. Первый способ поведения вел к *политизации социальной структуры* (Lepsius 1973) и препятствовал формированию настоящей партийной конкуренции, так как партии понимали себя, прежде всего, как политических выразителей их социальной среды и пытались в избирательной борьбе мобилизовать ее максимальным образом. С другой стороны, в своей кооперации с правительством по отдельным вопросам партии давали пищу и без того распространенным предубеждениям, что они преследуют преимущественно партикуляристские интересы.

Переход к Веймарской республике в 1919 г. принес институциональную реорганизацию, которая в целом не сопровождалась заметной трансформацией элит (Zapf 1965: 140; Dahrendorf 1965: 253). В неполитических секторах прошли лишь маргинальные организационные изменения, но едва ли смена элит. При этом основная часть оставшихся на своих позициях элит в управлении,

юстиции, экономике, ассоциациях в целом дистанцировалась от новой демократии.

Введение парламентской системы правления перенесло центр политической власти с исполнительной власти на законодательную. При этом консервативные и либеральные партии утратили свой традиционный приоритет по отношению к социал-демократам, которым теперь как самой большой партии, представленной в рейхстаге, досталась главная роль в формировании правительства. Тем не менее ведущие политики СДПГ, за исключением тесных отношений с профсоюзами, имели очень незначительную поддержку в других элитах. Особенно это относилось к министерской бюрократии, представители которой в основном сожалели о погибшей империи и не признавали руководящей роли СДПГ.

Но вероятно еще более проблемным было то обстоятельство, что *все* демократические партии были просто плохо подготовлены к осуществлению доставшейся им власти. Они явно недооценивали то, что работоспособность парламентской системы во многом зависит от способности партий образовывать стабильное парламентское большинство. Быстрое возрождение хозяйства после проигранной войны требовало сильного правительства. Но политические партии были не готовы к его образованию, так как они опасались, что экономико- политические компромиссы создадут угрозу их поддержке со стороны электоральной клиентелы. Стабильность правительственных коалиций с самого начала была отягощена конфликтами вокруг экономической политики. Проблемы образования парламентского большинства еще больше обострялись растущей электоральной поддержкой лево- и правозыстремистских партий, которые расценивали политический прагматизм как пустые компромиссы. Таким образом, партийная система Веймарской республики представляла собой классический случай поляризованного плюрализма в духе Сартори (Sartori 1976), при котором электоральная

база политического центра подвергалась стремительной эрозии в пользу экстремистских партийных крыльев.

В ходе мирового экономического кризиса 1929 года конфликты вокруг проектов борьбы с ним обострились и привели в марте 1930 года к отставке последнего правительства, которое опиралось на парламентское большинство. Все последующие правительства были правительствами парламентского меньшинства и были исключительно зависимы от президента, который мог приводить их к власти своими специальными указами. (Notverordnungsrecht — указами о вынужденных или чрезвычайных обстоятельствах). Таким образом, система правления из парламентской фактически превратилась в президентскую.

Это развитие отразилось и на способах рекрутирования членов правительства. Если в первые годы Веймарской республики члены правительства в соответствии с предписаниями парламентской системы набирались преимущественно из депутатов Рейхстага, то в период ее упадка возобновилась практика прихода в правительство так называемых *не зависмых от партий специалистов*, т.е. рекрутирование министров из министерской бюрократии, из экономики, ассоциаций и науки (Best 1989; Boldt 1990: 249).

Влияние захвата власти национал-социалистами на элитную структуру. 20 января 1933 года президент назначил рейхсканцлером Адольфа Гитлера — лидера сильнейшей парламентской партии НСДАП, который в течение нескольких месяцев фактически ликвидировал демократическую конституцию Веймарской республики и установил однопартийную диктатуру. Вскоре после назначения он инициировал основательное изменение элитной структуры, которое осуществлялось поэтапно. Сначала был установлен полный контроль над исполнительной властью. Министры от других партий и непартийные министры были быстро заменены национал-социалистическими политиками (Boldt 1990: 262). Остатки парламентской системы были также быстро ликвидированы. Рычагом

для этого стал закон о чрезвычайных полномочиях от марта 1933 года, согласно которому Рейхстаг передал правительству широкие полномочия. Почти непосредственно за этим последовал запрет или самороспуск политических партий (Boldt 1990: 262). С запретом свободных профсоюзов и созданием Немецкого трудового фронта из работников и работодателей уже с лета 1933 года главные опоры автономного гражданского общества были разрушены (Zarf 1965: 104f, 240f).

В других секторах организационные структуры в основном не затрагивались и — за исключением удаления евреев и известных противников НСДАП — они могли выполнять свои функции. Это относилось также к таким непосредственно подчиненным политике областям как управление, юстиция и вооруженные силы. Эта организационная и кадровая преемственность была частью стратегии *легального захвата власти* национал-социалистами. Она должна была обеспечить поддержку растущей концентрации власти в руках руководства НСДАП со стороны консервативных чиновничьих элит и населения. (Boldt 1990: 268). Только после укрепления национал-социалистического господства, остававшиеся с середины 30-х годов на своих позициях традиционные элиты были постепенно заменены национал-социалистами.

Единственным сектором, который в течение всего периода национал-социалистического господства оставался существенно не затронутым, была экономика. Хотя союзы предпринимателей уже вскоре после прихода нацистов к власти были включены в так называемые **имперские положения/списки** (Boldt 1990: 262), в целом кооперация между режимом и немецкой экономикой сохранялась. Так же как немецкое предпринимательство до 1918 года поддерживало монархию, оно приняло и национал-социалистическую диктатуру, которая обеспечивала ему выгодные условия, оказывая поддержку экономике. Ретроспективно можно утверждать, что национал-социалистам удалось провести постепенную массовую смену элит,

масштаб которой, будучи завуалированным сохранением приспособившейся части старых элит, был почти не замечен мало интересующимся политикой населением.

Развитие элит в Западной Германии после 1945: образование политических партий и СМИ под контролем западных союзников.

Если образование Веймарской республики принесло лишь сдвиг во властных политических отношениях при значительной преемственности элит, то политический поворот в Западной Германии после 1945 года характеризовался комплексным сочетанием преемственности и изменений. В секторе политики и в сфере СМИ произошли глубокие структурные изменения. Это было не в последнюю очередь следствием политики союзных держав, которые контролировали создание политических партий и одобряли только те, чей руководящий персонал не вызывал подозрений в связях с национал-социалистическим режимом. Это благоприятствовало формированию нового руководящего политического слоя, который складывался в основном из представителей двух групп. Политики и функционеры партий Веймарской республики, включая коммунистов, образовывали ядро воссоздаваемых и вновь образуемых партий и доминировали между 1946–48 гг. в земельных правительствах и в первом федеральном правительстве. Но чисто количественно более значимыми были все же представители нового поколения политиков, которые в силу возраста до 1945 года не могли активно участвовать в политике (Zarf 1965: 148). Для бывших национал-социалистов, которые до 1945 занимали значимые властные позиции и которые примкнули к новым партиям, путь к высоким политическим постам был закрыт, либо они должны были их освободить, если становилось известно их национал-социалистическое прошлое. В первые годы об этом заботились союзные военные власти, позднее СМИ и /или внутрипартийные конкуренты. Таким образом, руководящий слой национал-социалистов был исключен из западногерманской политики.

В политическом секторе такая смена персоналий распространялась вплоть до низовых организационных уровней.

Новый порядок в СМИ осуществлялся таким же образом. Как и политические партии, печатные органы до 1949 года подлежали обязательному лицензированию. Под руководством военных властей оккупационных держав в 1948 году была создана общественно-правовая система радиовещания, которая вплоть до 1955 находилась под надзором союзников (Bausch 1980: 10f; Frei 2001: 326). Новые медиаэлиты (издатели, интенданты, шеф-редакторы) рекрутировались из трех различных групп. Первую группу составляли журналисты демократических газет Веймарской республики. Вторую — независимые деятели без существенного профессионального опыта, но известные не вызывающим сомнения своим противостоянием национал-социализму. Третью — новые молодые кадры этого сектора, получавшие шансы карьерного роста.

Ассоциации, которые при национал-социалистах были приобщены к господствующей идеологии, также должны были быть перестроены заново, причем союзы предпринимателей были возвращены к организационным формам, существовавшим до 1933 года. Здесь персональная преемственность была относительно высокой (Tornow 1979: 250ff). В профсоюзах очень быстро пришли к решению создать полностью новую, по сравнению с периодом до 1933 года, организационную форму. Вместо старых (Richtungsgewerkschaften) профсоюзов по направлениям (Bernecker 1979) были созданы единые профсоюзы различных отраслей экономики. Но несмотря на это организационное преобразование персональная преемственность была заметна и здесь.

В других секторах свои позиции покидали только те руководящие кадры, которые были дискредитированы своим сотрудничеством с национал-социалистическим режимом. За этим исключением ни систематической смены персон, ни организационных преобразований не проводилось. В целом в секторах, не связанных тесно с политикой,

использование критериев эффективности преобладало над стремлением устранять из общественной жизни политически проблемные кадры. (Edinger 1960; Zapf 1965: 145ff). Как и в церковной сфере, преемственность в общественном управлении была наибольшей. Здесь вначале проводилась политика *денацификации*, но вскоре в интересах быстрого восстановления эффективных управленческих структур от нее отказались. Так, значительное число политически проблемных управленческих кадров через относительно короткое время вернулось на свои посты (Derlien & Lock 1994: 62; Derlien 1993: 328; Zelinski 1979).

Собранные Эдингером данные о западногерманской элите в 1956 году позволяют количественно определить масштаб преемственности (Edinger 1960: 66f). В соответствии с ними, не менее десятой доли руководящих послевоенных политиков были в период 1933-1944 гг. политическими функционерами. В других секторах масштаб преемственности был выше. За исключением профсоюзов (0 %) и сферы медиа (34 %), в среднем, как минимум две пятых руководящих кадров работали до 1940 года в той же профессиональной области. Эти цифры, видимо, находятся в противоречии с утверждениями многочисленных критиков, согласно которым в прошлом статусные национал-социалисты играли важную роль в общественной жизни в период становления Федеративной Республики. Хотя эта критика и имеет полное основание, когда она относится к преемственности общественных структур, ценностных ориентаций и карьер, в отношении рекрутирования элит она исходит из ложных предпосылок. Вопрос здесь звучит не так, могло ли лицо, бывшее (активным) членом НСДАП, продолжить профессиональную карьеру в Федеративной Республике. Здесь интерес связан только с вопросом о масштабах кадровой преемственности на ведущих руководящих позициях. В этом отношении упрек в преемственности руководящих кадров между национал-социалистическим режимом и ранней Федеративной Республикой следует дифференцировать. Хотя бесспорно, что

большинство лиц, которые в период между 1933 и 1945 гг. выполняли средние или высокие руководящие функции, более или менее добровольно вступали в НСДАП и, по меньшей мере, внешне поддерживали режим. Несомненно, также, что в ходе денацификации многие проблемные кадры посредством представления ложных сведений или по причине их (вероятной) незаменимости для восстановления смогли продолжить карьеры. Но в политике и СМИ вплоть до нижних уровней иерархии можно констатировать отчетливый разрыв с периодом нацизма.

Данные Эдингера также показывают, что в лучшем случае лишь пятая часть западногерманской элиты в 1956 году принадлежала до 1945 года к политической оппозиции. Доминирующим признаком послевоенной элиты Западной Германии была не принадлежность к оппозиции, а конформизм или внутренняя эмиграция (Edinger 1960: 76). Эдингер уже очень рано указал на теоретическую импликацию этого факта, который не представляет собой какую-то важную особенность старой Федеративной Республики. Она заключается в том, что было бы нереалистично ожидать формирования в тоталитарном режиме контрэлиты, которая после падения режима была бы в состоянии занять освободившиеся властные позиции и заменить тоталитарную элиту (Edinger 1960: 76ff). Основная причина этого — не недостаток противников тоталитарного режима, а понимание, что сама по себе оппозиционность не образует достаточной квалификационной предпосылки для того, чтобы занять руководящие позиции в посттоталитарном режиме. В большей мере требуется соответствующий профессиональный опыт, который имеется, скорее, у прежних руководящих кадров, чем у представителей оппозиции. Эта закономерность с тех пор много раз подтверждалась в посткоммунистических странах, и не в последнюю очередь и в новых федеральных землях Германии после объединения 1990 года (Higley, Kullbergund, Pakulski 1996).

Смена элит в Советской оккупационной зоне и в ГДР. В Советской оккупационной зоне после 1945 года оккупационными властями и руководством КПГ (Коммунистическая партия Германии) трансформация элит проводилась даже еще более быстро и всесторонне, чем после взятия власти национал-социалистами. Весь руководящий слой был персонально заменен на представителей КПГ и СЕПГ (Социалистическая единая партия Германии) или их сторонников. Смена элиты распространялась и на сферу экономики. При этом задача установления полного политического контроля над обществом имела однозначный приоритет над критериями эффективности, что замедлило восстановление управленческих, экономических структур и юстиции в этой части страны по сравнению с Западной Германией.

Анализ элит ГДР показывает, что здесь речь шла о монопольной и отделенной от общества элитной трансформации. Внутренние дифференциации, связанные с поколенческими и секторальными признаками или с партийной принадлежностью, играли подчиненную роль. Основным релевантным каналом рекрутирования элиты была карьера в партийной иерархии. Дальнейшее развитие подтвердило правоту подхода Петера Кристиана Лудца (Ludz 1968). Согласно ему, новое руководство ГДР, рекрутированное, в основном, из руководства КПГ, находившегося в период нацистского господства в эмиграции в Москве, ввиду его многолетней привычки к конспиративной, нелегальной работе и недоверию ко всем, не разделявшим такой опыт, образовало закрытый внутренний руководящий круг — так называемую *стратегическую клику* (*strategische Clique*).

В период написания своей работы Лудц ожидал, что смена первого поколения элиты ГДР более молодыми и профессионально ориентированными новыми кадрами или так называемой *институционализированной контрэлитой* (*institutionalisierte Gegenelite*) приведет к переориентации политики ГДР в направлении прагматического и экономически успешного курса, т.е. приведет к так

называемому *консультативному авторитаризму* (Ludz 1968: Kap. 1). Он аргументировал эти ожидания, указывая на реформаторские тенденции, которые намечались в политике ГДР в начале 60-х гг., но в дальнейшем оказались нежизнеспособными. Вместо этого многие представители первого поколения продолжали удерживать центральные властные позиции. Персональная преемственность руководства СЕПГ в течение десятилетий существования ГДР была очень значительной. Средний возраст этого руководства с годами заметно увеличивался. По сравнению с эрой Ульбрихта, к концу 80-х годов возраст членов ЦК СЕПГ вырос с 46 лет до 61 года, а членов Политбюро — с 52 до 65 лет. (Schneider 1994: 78f; Meyer 1991: 151ff). Вплоть до 1989 года такие представители первого поколения как Эрих Хонеккер, Эрих Мильке, Курт Хагер и Хорст Зиндерман оставались на центральных командных позициях.¹

Смена элит в ходе интеграции новых федеральных земель после объединения Германии. После крушения режима СЕПГ в ноябре 1989 Восточная Германия в третий раз за столетие пережила глубокую элитную трансформацию. Ее необходимость вытекала как из геронтократического характера элит ГДР, так и из монополистической структуры власти, где кроме СЕПГ не существовало автономных властных центров. Самостоятельность массовых организаций и блоковых партий держалась в узких границах. В отличие от Западной Германии 1945 года, здесь после 57 лет диктатуры уже не существовало никаких организационных элементов, оставшихся от Веймарского периода, которые смогли бы быть использованы в качестве базиса. К тому же заново должна была быть реорганизована и структура экономики. С отстранением СЕПГ от власти возник элитный вакуум,

¹ В других восточноевропейских странах, включая Советский Союз, в послесталинскую эпоху элитные трансформации произошли именно в том направлении, которое прогнозировал Лудц (Higley, Kullberg und Pakulski 1996: 135).

который должен был заполняться новым персоналом. Смена элит тем самым распространялась не только на политическую элиту в узком смысле, но и на все другие сектора.

В течение короткого времени с осени 1989 г. до начала 1990 г. прежние блоковые партии и массовые организации освободились от зависимости от СЕПГ. Также и СМИ избавились от политической опеки. К тому же были образованы новые партии и многочисленные ассоциации. Элитная структура приобрела плюралистический вид. Смена старой элиты ускорилась в первой половине 1990 г. С начала года она отражала уже не только исключительно внутренние процессы развития Восточной Германии, но включалась в динамику общегерманского процесса объединения. При этом с самого начала было ясно, что объединение двух немецких государств будет осуществляться под знаком *западногерманского* доминирования, т.е. через принятие институциональной системы старой Федеративной Республики. Западногерманские партии и ассоциации пытались уже с начала 1990 года путем слияния со своими восточногерманскими партнерами закрепиться в еще самостоятельной ГДР. В дальнейшем, в ходе избирательной кампании по выборам в Народную палату 18 марта 1990 г., во время которой западногерманские партии оказывали своим восточным партнерам активную электоральную помощь, это стало еще более заметно.

Взаимодействие восточных и западных организаций происходило, таким образом, не на условиях паритета, но при доминировании западногерманских партнеров. Фактически речь шла о включении восточногерманских организаций в западногерманские. Частично это происходило вследствие чисто количественного преобладания членов. Но еще более это неравенство возникало из-за недостаточного опыта взаимодействия восточных немцев с западными структурами, а также из-за финансового преобладания западногерманских партнеров.

Если в советской оккупационной зоне и в ГДР элитная трансформация после 1945 года была проведена за счет сознательной

задержки процесса восстановления, то в период после 1989 года она происходила путем «элитного трансферта» (*Elitentransfer*). Ввиду нехватки хорошо подготовленного руководящего персонала в Восточной Германии во многих случаях прибегали к привлечению западногерманских руководящих кадров второго уровня. Эта возможность вытекала из специфической констелляции разделения Германии и была особым историческим случаем.

Элитный трансферт внес вклад в быструю и эффективную трансформацию политической и экономической структуры Восточной Германии. Тем не менее, он был воспринят многими восточными немцами как *колонизация* Западом. Лица, которые родились и выросли в ГДР, были сначала слабо представлены в общегерманской элите, причем эта недопредставленность имела определенные секторальные различия. Проведенное в 1995 г. общегерманское исследование элит показало, что всего около 12% опрошенных представителей элит имели восточногерманское происхождение. При этом в секторе политики восточные немцы с показателем 32 % были даже сверхпредставлены, а в секторах экономической элиты и военной элиты с показателем менее 1% были почти совершенно не представлены (Bürklin & Rebenstorf 1997: 67).¹

В соответствии со сформулированным Патнэмом (Putnam 1976) *законом возрастающей диспропорциональности*, согласно которому

¹ По отношению к общему населению Германии в 1995 г. (15,6 млн. к 65,5 млн., т.е. 19,3%) высокая доля восточных немцев в политической элите является отчасти артефактом позиционного метода, примененного к исследованию целевых групп. К повышенному представительству в политической элите политиков из новых земель ведет то, что в выбранных для исследования руководящих позициях чисто количественно доминируют позиции земельного уровня. А на этом уровне относительно больше представителей новых федеральных земель (их 5 из 16), также в восточногерманских земельных парламентах, ввиду представительства там ПДС, больше парламентских фракций (Bürklin 1997).

доля депутатов непривилегированных групп при возрастании высоты властной позиции сокращается, лица из новых федеральных земель наилучшим образом представлены на коммунальном уровне, где тесная многолетняя связь с общинами, как правило, является предпосылкой для получения мандата (Redlingshöfer & Hoffmann-Lange 1998). Среди исследованных Дерлайном и Локом депутатов парламентов восточных земель периода первой легислатуры часть «западного импорта» составляла лишь 2,4%, а в правительствах этих земель почти две пятых министров (18 из 53) и 3 из 5 глав земельных правительств были с запада (Derlien, Lock 1994).

По показателям прежнего членства в партиях и политическим функциям было установлено, что в новых федеральных землях после 1989 года, как и в Западной Германии после 1945 года, произошла всеобъемлющая смена политической элиты. Среди избранных в 1990 году земельных депутатов только 1/10 часть выполняла в ГДР политические функции (Derlien, Lock 1994: 75 ff). Внутри самой переименованной в декабре 1989 года в ПДС (Партия демократического социализма) бывшей государственной партии СЕПГ быстро происходила смена элиты, которая не в последнюю очередь проявилась в переходе партийного председательства от официально назначенного наследника Эриха Хонеккера Эгона Кренца к Грегору Гизи, бывшему адвокату диссидентов ГДР. Только около трети депутатов ПДС, избранных в бундестаг в 1994 году, были до 1990 г. членами СЕПГ (11 из 30).

Известные в прошлом диссиденты играли при рекрутировании новой восточногерманской элиты весьма ограниченную роль. Причина этого, несомненно, заключается в том, что число диссидентов в ГДР было значительно меньше, чем в других странах Восточной Европы, так как многие из них были выдворены из ГДР или покинули ее добровольно. Еще важнее, однако, было то, что оппозиционные группы не имели политического опыта и организационного базиса, который был необходим, чтобы в изменившихся условиях построить

конкурентоспособные партии. Можно также добавить, что преимущественно речь шла об интеллектуалах, которые действовали из идеалистических побуждений, не имея перед глазами ясной политической альтернативы или стремления к политической власти. Лишь немногие руководящие члены бывших гражданских движений, такие как Ангела Меркель и Иоахим Гаук, заняли ведущие политические позиции в общегерманском масштабе.

Не удивительно, что по причине формальных квалификационных критериев элитный трансферт с Запада на Восток был особенно заметен в области публичного управления. И в науке, и в СМИ часть элиты западногерманского происхождения также приобрела большое значение.

В экономике такой элитный трансферт в основном не потребовался, так как практически все крупные предприниматели остались на западе, тогда как предприниматели на востоке были частично уничтожены, частично экспроприированы. Перебазирование целого ряда федеральных учреждений и судов, строительство военной инфраструктуры в новых землях, сооружение посредством крупных субвенций производственных мощностей на востоке, переезд Бундестага и Федерального правительства, а также перебазирование многочисленных офисов крупных экономических ассоциаций в Берлин заметно повысили шансы карьеры для восточных немцев по сравнению с началом 90-х.

Между тем, обладатели руководящих позиций в новых федеральных землях, получившие их в ходе элитного трансферта, постепенно приближаются к пенсионному возрасту, что открывает пути роста более молодым кадрам, которые происходят из новых федеральных земель или демонстрируют общегерманские карьеры.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В ЭЛИТАХ В СТАРОЙ ФРГ И В ОБЪЕДИНЕННОЙ ГЕРМАНИИ

От посттоталитарных элит ранней Федеративной Республики к элитному консенсусу: фаза консолидации Западной Германии 1949–1990 и развитие демократической политической культуры. Даже признавая, что демократизация в Западной Германии после Второй мировой войны была обеспечена в немалой мере западными оккупационными державами, следует подчеркнуть, что изнутри она была активно поддержана образованным средним слоем и, прежде всего, молодыми людьми. За исключением небольшой группы нераскаявшихся сторонников национал-социалистической идеологии, многие немцы, особенно, в конце проигранной войны поняли, какую вину взвалила на себя Германия, напав на соседние страны и взяв тем самым ответственность за миллионы погибших и замученных в концлагерях. Многочисленные члены партий Веймарской республики, которые до этого относились друг к другу враждебно, оказавшись вместе в концлагерях, были убеждены, что может обсуждаться только строительство нового политического сообщества с демократическими структурами, поэтому требуется конструктивное взаимодействие поверх идеологических барьеров. Этому не в последнюю очередь способствовало и широкое освещение преступлений национал-социалистического режима, которые большинство немцев хотели бы забыть.

Поколение основателей Федеративной Республики было вдохновлено стремлениями дать реальный шанс второму созданию либеральной демократии в Германии. Они объединились вокруг институциональных правил, которые должны были исключить повторение слабостей Веймарской конституции. Здесь конститутивными были четыре фундаментальные новации. Во-первых, комбинация пропорционального представительства с ограничениями, которая должна связывать справедливую картину голосования с

одновременным созданием препятствий для слишком большого дробления партийной системы. Во-вторых, усиление правительства посредством введения конструктивного вотума недоверия, вследствие чего смещение федерального канцлера возможно только через выборы нового. К этому в качестве третьего элемента добавляется эксплицированное упоминание важной роли политических партий в Конституции. В качестве четвертой основы был введен Федеральный конституционный суд, который обязан обеспечить защиту конституционного порядка. Тем самым ему передается нормативный контроль, т.е. право на проверку соответствия парламентских решений основным принципам Конституции. Этим были поставлены вехи развития демократического политического порядка, хотя граждане в отношении к нему были вначале индифферентны.

В связи с начавшейся «холодной войной» Федеративная Республика быстрее, чем ожидалось, была интегрирована в сообщество западных государств. Формально это было закреплено ее приемом в НАТО (1955) и позднее во вновь созданные европейские институты (1957). В преодолении огромного ущерба от войны и в интеграции миллионов переселенцев и беженцев из бывших немецких восточных районов, был задействован огромный продуктивный потенциал из бывших заселенных немцами областей Центральной и Восточной Европы, а также советской оккупационной зоны и последующей ГДР. Быстрый экономический подъем был следствием начавшегося уже с середины 50-х годов процесса, получившего название *экономического чуда* и принесшего большинству населения не достижимый ранее уровень жизни.

Новый конституционный порядок воплотился в жизнь. Менее, чем за 10 лет, установилась трехпартийная система, включавшая доминирующую Христианско-демократическую партию, которая образовывала стабильную правительственную коалицию с небольшой Свободно- демократической партией, и подчиненную — более слабую Социалдемократическую партию. Экономическое чудо во многом

способствовало растущему принятию демократии. Хотя относительно высокий уровень преемственности в элитах имел и тормозящее влияние. Прежде всего, оно проявлялось в консервативных элитах экономики и юстиции, но также и в общественном управлении, где был широко распространен недемократический и консервативный образ мыслей, хотя критика демократических институтов была табуирована.

В своем анализе элитной структуры ранней ФРГ Дарендорф (1965) и Шойх (1988) диагностировали недостаточную интеграцию новых элит. Элитный плюрализм является для высокоразвитых обществ со свободным конституционным порядком вполне нормальным. Но оба автора все же справедливо отмечают, что демократическая конституция должна быть снабжена и некими неформальными правилами для разрешения конфликтов, которые вырабатываются только в многолетней практике, а вне этого не существуют. В этом плане, на их взгляд, молодая демократия является относительно хрупкой системой. В такой ситуации представимы два различных способа действий. В случае, если конституционный порядок оспаривается элитами, взаимовыгодное урегулирование при глубоком конфликте интересов маловероятно, так как конфликтующие стороны будут использовать все имеющиеся в их распоряжении ресурсы для реализации своих интересов и, в крайнем случае, даже могут перейти к насилию. Но, с другой стороны, элиты при проведении своих интересов могут вести себя и сдержанно. Если элиты Веймарской республики выбирали первый образ действия, и насильственные столкновения, особенно в первые и в последние годы ее существования стояли на повестке дня, то элиты ранней ФРГ следовали второй стратегии. Они вели себя, скорее, оборонительно и уклонялись от публичных конфликтов по основополагающим вопросам.

Дарендорф, убежденный в продуктивной функции открытого и одновременно ненасильственного противостояния при конфликте групп интересов, характеризовал ранние западногерманские элиты, может быть, несколько полемично как *картель страха* (Dahrendorf

1965: 297ff). Шойх указывал в этом плане на *культ экспертов* (Scheuch 1988: 76ff), при котором конфликт интересов трансформируется в сумму технических специальных вопросов, и решение тогда делегируется политикам — специалистам, которые могут обсуждать их с представителями заинтересованных групп интересов при исключении общественности. Оба автора были едины в том, что предпочтительная стратегия уклонения от публичных дебатов по основным политическим конфликтным темам цементировала существующие общественные властные отношения и препятствовала общественным изменениям. С другой стороны, эта стратегия способствовала стабилизации демократии, которая в силу быстрого роста общего благосостояния приносила выгоду также и нуждающимся слоям общества. Так, находящееся у власти до 1966 христианско-демократическое правительство Конрада Аденауэра, а с 1963 — Людвига Эрхарда, придерживалось политики государства благосостояния с построением систем пенсионного и медицинского страхования, а также щедрых компенсаций материальных потерь беженцам и перемещенным лицам. Это соответствовало потребностям граждан в социальной защите и вносило не малый вклад в растущее принятие демократии.

Реставрационный характер ранней ФРГ проявлялся не в последнюю очередь и в том, что в западногерманских элитах до конца 60-х были представлены бывшие члены НСДАП. Эта преемственность, хотя и ограничивалась мерами денацификации оккупационных властей, наиболее жестко проводившимися в областях политики и СМИ и менее затронувшей другие сектора, в целом показывала, что бывшие члены партии могли относительно беспрепятственно продолжать карьеры, начатые в нацистский период. С середины 1960-х гг. это обстоятельство было поставлено под вопрос представителями послевоенного поколения, которые сформировались уже в условиях демократии и начинали ставить под сомнение сложившийся в элитах консервативный консенсус. Западногерманское студенческое движение было признаком общего политического подъема, прежде всего, среди

академической молодежи Западной Европы и Северной Америки, который обличал ценностно-консервативный климат в своих странах и провозглашал конец послевоенного политического спокойствия. При этом речь в первую очередь шла не о конфликте вокруг не преодоленного немецкой элитой национал-социалистического прошлого, а о поколенческом конфликте между элитами, чье политическое мышление еще очень сильно зависело от опыта Второй мировой войны и послевоенного восстановления, и молодым поколением, которое больше не хотело довольствоваться достигнутым и требовало культурной модернизации своих обществ.

Таблица 1 представляет данные о динамике возрастной/поколенческой структуры западногерманских элит, полученные на основе четырех опросов.¹ Она демонстрирует относительно быстрые сдвиги поколений в элитах. Если в 1968 году еще почти половина обладателей элитных позиций родилась и выросла в период Веймарской республики и сознательно пережила ее крах, то к 1981 году это поколение было сменено поколением родившихся в период «Третьего рейха». Оно доминировало в период между 1980 и 1990 гг., когда оно постепенно вытеснялось с руководящих позиций представителями послевоенного поколения. Эти поколения отчетливо различаются по их отношению к разделению Германии. В то время, как старшее поколение имело некоторое отношение к единой Германии и вопросы единства Германии считало открытыми, молодые уже выросли в условиях разделенной Германии. Эти различные ориентации проявились особенно отчетливо в 1989-1990 гг. Если федеральный канцлер Гельмут Коль (г.р. 1930) уже в декабре 1989 г. признал шанс на объединение двух немецких государств и активно его добивался, то заметно более молодой председатель СДПГ Оскар Лафонтен (г.р. 1943),

¹ Подробное представление выборки опрошенных обладателей руководящих позиций, а также результаты опросов находятся в: Hoffmann-Lange (1992), sowie Bürklin und Ebenstorff (1997).

прежде всего, подчеркивал связанную с объединением Германии цену и больше ориентировался на сохранение сложившегося положения. В 1995 году представители военного поколения в элитах уже сократились до незначительного меньшинства, а представители послевоенного поколения и поколения 1968 года заняли центральные позиции. Сравнительные данные по современному Бундестагу показывают, что разделение Германии для современных депутатов является только реминисценцией, в то время как Европейская интеграция и вопросы глобализации являются для них куда более насущными вопросами.

В таблице 1 выражается поколенческая проблематика, характерная для всех обществ. Элиты отображают своим возрастом всегда заметно меньший поколенческий диапазон, чем население в целом. В силу их более высокого среднего возраста, чем у общества, они политически социализировались в условиях, которые для молодых поколений имеют малую релевантность. Но, с другой стороны, они также весьма условно могут понимать политический менталитет и наиболее старших поколений, особенно, в условиях растущей продолжительности жизни. Результаты также подтверждают, что смена поколений в элите протекает быстрее, чем в населении. Особую роль здесь играют выборы, которые ведут к сдвигам в доле голосования за партии, что может вызывать поколенческие сдвиги в элитах, которые часто влекут за собой и политические перемены (Pedersen 1994).

Таблица

1 Смена поколений в западногерманской элите 1968–1995 (в процентных долях)

Поколение ¹	Элита 1968	Элита 1972	Элита 1981	Элита 1995	Население 1996	Бундест аг 2013– 2017	Население 2015

¹ В основу выделения поколений кладется возрастной интервал с 14 до 18 лет. Этот возраст рассматривается как наиболее важный для политической социализации поколения.

Германская империя (– 1903)	12,6	3,1	0,1	-	0,1	-	-
Веймарская республика (1904–1917)	48,8	36,0	6,0	0,3	2,8	-	-
Третий Рейх (1918–1930)	35,8	48,8	59,0	5,7	12,2	-	1,8
Послевоенный период (1931–1945)	2,8	12,1	34,1	68,6	24,6	2,1	15,7
Период благосостояния/ протеста (1946–1960)	-	-	0,9	23,5	27,1	40,0	25,0
Период новых социальных движений (1961–1975)	-	-	-	1,9	30,7	45,2	30,0
Объединение Германии (1976–)	-	-	-	-	2,5	12,7	27,5
Всего	100,0	100,0	100,1	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Mannheimer Elitestudien 1968, 1972, 1981; Potsdamer Elitestudie 1995 (nur westdeutsche Befragte); ALLBUS 1996 (westdeutsche Wohnbevölkerung ab 18 Jahren); ALLBUS 2014 (deutsche Wohnbevölkerung ab 18 Jahren); Bundestag 2016. URL: https://www.bundestag.de/bundestag/abgeordnete18/mdb_zahlen/altersgliederung/260138 (Дата обращения 21.09.2016)¹

Карьеризация политической профессии. Одним из основных положений классиков элитных теорий было подчеркивание центральной роли политического как самостоятельного властного фактора. Это положение, наряду с тезисом об универсальности власти

и элит, было главным объектом критики со стороны Маркса и марксистов. При этом они подчеркивали значение экономической власти, но утверждали одновременно, что политические элиты могут проводить свои интересы посредством монополии на законодательство и насилие. Насколько центральная роль во всех обществах принадлежит политическим элитам в узком смысле, т.е. обладателям основных руководящих позиций в исполнительной и законодательной власти? В демократиях их значение еще больше возрастает, так как здесь политическая элита является единственной элитной группой, которая опирается на демократическую легитимацию граждан.

Еще Макс Вебер признавал, что демократизация современного общества неизбежно несет в себе тренд к профессионализации политической деятельности, так как в противном случае люди, способные занимать политические посты, были бы невозможны. Центральной характеристикой профессии политиков является то, что *они живут от политики*. Это также не исключает, что на их взгляд они также *живут для политики* (Weber 1992: 16ff). По их критериям хорошим политиком является тот, кто сочетает страстное отношение к представленному им делу с чувством ответственности за оценки и суждения.

Сегодня почти везде считается само собой разумеющимся, что обладатели руководящих политических позиций имеют хороший доход, который, хотя и меньше чем у обладателей руководящих позиций в экономике, тем не менее, позволяет жить с комфортом. В Германии не только члены федерального и земельных правительств, обербургомистры и руководители департаментов крупных городов, но и федеральные и земельные депутаты (за исключением членов городов-земель Гамбурга и Бремена) оплачиваются как высокопоставленные профессиональные политики.

В двух больших опросах, которые проводились в 2003/2004 и в 2007 гг. Генрихом Бестом и его сотрудниками среди федеральных и земельных депутатов, около половины опрошенных сообщили, что их

депутатское содержание выше дохода, который они имели до получения мандата (Best, Jahr & Vogel 2011: 174). К этому следует добавить еще и значительные средства, которые федеральные депутаты получают на содержание помощников. Кроме того, они получают прибавки к пенсии, которые составляют 2,5% депутатского содержания за каждый год выполнения депутатских обязанностей.

Четыре пятых опрошенных федеральных и земельных депутатов и депутатов Европарламента рассматривают свой мандат как профессию (Best, Jahr & Vogel 2011: 185). Тем не менее, это лишь частично позволяет говорить о *профессионализации* политической деятельности. Понятие *карьеризации* или *Verberuflichung* (Bukow 2011) лучше описывает положение дел. В Германии, как и в других демократических странах, нет специального образования для политиков. Политика, как правило, является второй или дополнительной профессией, и необходимые для нее навыки приобретаются в политической практике. Это было вполне установлено Дитрихом Герцогом уже в исследовании, опубликованном в 1975 году. Тем не менее молодые люди все чаще приходят в политику и близкие к ней профессии непосредственно после учебы. Так, часть депутатов, которые получили свой первый политический мандат в близких к политике областях, т.е. в политических и общественных организациях (партиях, фракциях, организациях предпринимателей или НКО) в современном Бундестаге составляет 19,7%, а среди молодых депутатов (до 40 лет) даже 21.6% (Kintz 2014: 584, 594; сопоставимые числа также в Gruber 2009: 116ff).

Перед своим первым успешным мандатом депутаты были, как правило, от 10 до 15 лет членами своих партий и большинство к тому же имели опыт в исполнении партийно-политических и коммунально-политических (на уровне местного самоуправления) функций (Best, Jahr & Vogel 2011: 173). Средний возраст при получении первого мандата был относительно высоким — от 42 до 45 лет. Также в последние десятилетия заметно повысился уровень образования политиков. Если во время исследования Герцога в начале 70-х годов только около 62%

опрошенных руководящих политиков имели дипломы высшей школы, то сегодня таковыми являются более 90% (Gruber 2009: 92). Это означает, что уровень их образования соответствует уровню образования министерских служащих. При этом политики значительно лучше, чем в прошлом, могут осуществлять задачи контроля публичного управления. Хотя, конечно, они пока не могут уравнивать то информационное преимущество, которое имеет министерская бюрократия и полностью устранить *проблему принципала-агента (Prinzipal-Agent-Problem)* (Best, Jahr & Vogel 2011: 169).

Поскольку для занятых на общественной службе имеется возможность при получении политического мандата взять отпуск, который предоставляет право вернуться к своей прежней деятельности, общественная служба стала важной областью рекрутирования парламентариев. (Best, Jahr & Vogel 2011: 172; Kintz 2014: 584). Из 183 депутатов современного Бундестага, которые пришли с общественной службы всего только 115 непосредственно работали в публичном управлении, тогда как другие были учителями, учеными, судьями и профессиональными военными. Добавляя эту часть (около 18,2%) к части тех, кто пришел из общественных и политических организаций, получим ту часть депутатов, которые перед получением первого мандата работали в политической профессии. Сегодня — это почти две пятых депутатов. Кинтц объясняет это спросом на персоны, «которые знакомы с парламентскими и политическими процедурами», но одновременно умеют не конфликтовать с «представительскими притязаниями немецкого населения» (Kintz 2014: 595).

К области карьеризации принадлежит также стабильность или безопасность мандата. Она является, конечно, наиболее устойчивой для служащих, тогда как для большинства депутатов, пришедших из других видов деятельности, нет устойчивой возможности возвращения к прежней профессии. Шансы получить свой мандат по меньшей мере второй раз для депутатов Бундестага, впрочем, относительно высоки. Это так, прежде всего, для обеих крупных партий ХДС/ХСС и СДПГ.

Для малых партий шанс на получение мандата во второй раз сильнее зависит от результатов выборов. Так, например, из-за провала СвДП, не сумевшей преодолеть 5%-ый барьер, сразу потеряли свои мандаты 93 депутата от этой партии, что соответствовало почти 15 % всех депутатов. Перед лицом возросшей волатильности электорального поведения избирателей можно ожидать, что федеральные и земельные мандаты в будущем будут менее устойчивыми, хотя депутаты, как правило, заново номинируются своими партиями.

В среднем сохранение мандата депутатами в Бундестаге составляло в 90-е годы более 3-х мандатных периодов, т.е. приблизительно от 14 до 16 лет (Borchert 2011: 285). Для депутатов же западногерманских ландтагов и для немецких депутатов Европарламента есть риск потерять свой мандат уже после одного периода легислатуры. Он примерно на одну треть выше, чем у федеральных депутатов, для которых он составляет менее 20% (Best, Jahr & Vogel 2011: 175ff).

Опрос потерявших мандаты федеральных и земельных депутатов показал, что только около 15% из них профессионально остались в политике, 28% вышли на пенсию, 25% вернулись к прежней профессии, 20% начали профессию в другой области, оставшиеся 13% пережили потерю в статусе (Edinger & Schwarz 2008). Это подтверждает вышеуказанное утверждение, что понятие профессионализации для немецких политиков остается весьма условным и в итоге касается только тех, кто длительно остается в политике, тогда как для большей части мандат депутата составляет лишь эпизод их профессиональной жизни. Парламентские мандаты в этом плане можно определить как «ненадежные, эпизодические и расплывчатые определения для профессиональной сферы, которая характеризуется квалификационными предпосылками и карьерным движением» (Best & Jahr 2006: 79). Все же приведенная оценка этими авторами того, что речь в данном случае идет о *ненадежных трудовых отношениях*, представляется чрезмерно заостренной. Многие политики имеют более

одного академического диплома и только для малой части из них потеря мандата связана со снижением профессионального статуса.

В соответствии с логикой парламентской системы правления, более половины федеральных министров в Германии рекрутируется из Бундестага. Еще одна треть из них занимала перед этим посты земельного уровня, многие из них в качестве министров-президентов (глав земельных правительств) или земельных министров (Gruber 2009: 190). При этом земельные министры имеют значительные различия. Если в западногерманских землях более двух третей министров приходит из депутатов ландтагов, то в землях-городах Берлине, Гамбурге и Бремене доля внешне рекрутированных (т.е. не из ландтагов) министров доходит до почти трех четвертей, а в восточногерманских землях до 40% (Gruber 2009: 195).

Исходя из того, что высшие руководители министерской бюрократии, как наиболее близкие к министрам сотрудники, действуют на стыке политики и управления, они имеют гибридный статус между политикой и управлением. Представители высших уровней министерского управления, а также должностные руководители департаментов в земельных министерствах имеют гибридный статус *политических служащих*. Хотя они являются, как правило, карьерными служащими, они могут быть в любое время назначены либо смещены с их позиций соответствующим министром. При этом как карьерные служащие они не могут быть просто уволены, но должны быть только временно отправлены в отставку с компенсацией до момента, пока им не будет найдено применение, соответствующее их рангу. Многие из них являются активными членами партий, поэтому после смены правительства или министра они часто снова занимают соответствующие позиции. Новые министры имеют возможность назначать лиц, которые пользуются их доверием и разделяют их политические цели. Таким образом, имеется гарантия, что они обеспечат продвижение в жизнь инициированных министром изменений в министерствах. Иногда также политики назначаются

должностными статс-секретарями, например, чтобы обеспечить движение реформ, которые для министров особенно важны. В случае, если это касается парламентариев, последние должны сдавать свои мандаты.

Возникает ли политический класс? Германия имеет на федеральном и земельном уровне парламентскую систему с федеральным Президентом, который выполняет, прежде всего, представительские функции и при неопределенности отношений в большинстве Бундестага располагает определенной *резервной властью*, которая до сих пор использовалась только два раза. Федеральное правительство, возглавляемое федеральным Канцлером с большими полномочиями, имеет в сравнении с Бундестагом довольно сильные позиции в законодательном процессе, где имеется фракционная дисциплина. Для повышения контрольных прав парламента с течением времени были усилены права фракций и отдельных парламентариев, что выразилось в растущем улучшении их оснащения материальными и кадровыми ресурсами. Резко выросло в последние десятилетия и число ассистентов фракций и депутатов (Schöne 2011). Это заметно увеличило сферу занятых выполнением политических функций, живущих от политики, а также расширило пул претендентов на политические выборные посты. В отличие от депутатов и членов правительства, в отношении этих сотрудников можно говорить о профессионализации, так как они часто имеют законченное образование в области социальных и экономических наук и часто заранее специализируются в определенной политической области. Тем не менее позиция ассистента депутата связана с персоной соответствующего депутата и поэтому подвергается риску потери рабочего места.

Расширение и специализация законодательной тематики вызвали увеличение спроса на политическое консультирование, что особенно заметно в деятельности министерств и парламентов. Многие министерства располагают для этой цели ведомственными научно-

исследовательскими организациями, которые отличаются «тесным переплетением исследовательской и консультационной деятельности» (Weingart & Lentsch 2008: 179). Она проводится частично самими властными органами, частично относительно автономными исследовательскими институтами. К числу первых, например, относятся статистические ведомства, к числу вторых — крупные экономические исследовательские институты, Фонд науки и политики для внешнеполитических экспертиз или Немецкий институт по делам детства, молодежи и семьи. Там работают преимущественно исследователи-специалисты, которых лишь условно можно отнести к занятому в политике персоналу.

Политические партии также выстроили свои собственные аппараты, чтобы консультировать своих парламентариев и фракции и поддерживать их программную работу. Число персональных сотрудников, для которых с 1969 г. выделяются средства (сейчас более 20 тыс. € в месяц), выросло к 2002 до 4.500, число фракционных сотрудников — с 25 в 1957 до 821 человек сегодня (Vukow 2011: 240f). В дополнение к этому для целей избирательных кампаний и для выстраивания коммуникации со СМИ и общественностью партии привлекают и многих внешних экспертов, прежде всего, из институтов исследования общественного мнения и рекламных агентств. Спрос на консультирование имеют и группы интересов, и предприниматели, которые особенно интересуются планируемыми законодательными инициативами, чтобы оценить воздействие этих законов на их организации. Для этих целей возник быстро растущий и в целом труднообозримый сектор независимых и специализированных консультационных институций, где имеются тысячи занятых. Но они, как правило, не воспринимают себя как политики и лишь изредка могут пытаться занять политическую должность.

Заметное увеличение числа занятых в политической и близких к ней областях деятельности привело в последнее время к возрождению понятия *политический класс*. Это часто связывается с представлением,

согласно которому основной интерес представителей этого класса меньше относится к служению общему благу, а в первую очередь направлен на поддержание своего политического влияния и экономического благосостояния. Эта дефиниция отличается от применения понятия *classe politica* Гаэтано Моска. Если Моска включал в него всех лиц, которые имели влияние на политическое состояние страны, т.е. применял его равнозначно понятию элиты, то в распространенную сегодня в Германии дефиницию политического класса включают всех лиц, которые *живут от политики* (von Weizsäcker 1991). Причем это понятие является одновременно и уже, и шире, чем понятие политической элиты. Политическая элита характеризуется через ее способность к формированию политического проекта, поэтому на уровне политической элиты, как и раньше, имеют значимость программные различия между партиями. Политический класс же охватывает также и заднескамеечников в парламентах, а также тех, кто действует в сферах близких к политике. Его представителей, независимо от их партийной принадлежности или склонности, связывает интерес к стабилизации их профессиональной позиции и поддержанию материального базиса. Его развитие является, по Клаусу фон Байме, тесно связанным с существованием партийного государства и его растущей автономии по отношению к избирателям и членам партий. (von Weizsäcker 1991: 189). Это ведет, по его мнению, к тому, что среди избирателей формируется питательная среда для и без того имеющего место недоверия к политике. Причем эта критика меньше ориентирована на материальные привилегии, а больше «на неспособность политической элиты решать определенные насущные проблемы» (von Weizsäcker 1991: 201). Общественная критика политического класса тесно связана с модернизацией общества, которая повышает плюрализацию современных обществ и делает политический процесс менее прозрачным для избирателей. Кажется, впрочем, проблемным, действительно ли для столь гетерогенного круга

лиц подходит понятие класса. Строго говоря, тогда следовало бы распространить его и на всю сферу государственной службы.

Политизация гражданского общества, рост политического протестного поведения и их влияние на элиты. Многочисленные исследования подтвердили, что общественная модернизация и, прежде всего, связанная с этим экспансия образования влечет за собой базовые изменения в политических ценностях и ожиданиях граждан. Здесь мы ограничимся упоминанием лишь работ Рональда Инглхарта (Inglehart 1997, 2005; Inglehart & Welzel 2005) о политическом воздействии этой смены ценностей. С одной стороны, в силу этого возросла поддержка демократии, но с этим же с середины 1990-х годов была связана и растущая готовность граждан к прямым политическим действиям, а также их намерение оказывать влияние на политические решения и помимо участия в выборах. Мировое студенческое движение 1968-ого было первым проявлением не зависимых от партий и традиционных организаций политических протестных движений.

Такие политические протестные движения, которые впервые были проанализированы Барнесом и Каазе (Barnes, Kaase 1981) в сравнительном *исследовании политических акций* (Political Action-Studie), с тех пор получили дальнейшее распространение. Организационно они простираются от локальных гражданских инициатив с ограниченными целями до таких глобально действующих организаций как АТТАС. Содержательно протест бывает направлен как против новых законов, так и против международных договоров (ТТIP и СЕТА), а также не в последнюю очередь против крупных инфраструктурных проектов (электростанции, автострады, санация жилых кварталов) вплоть до протестов против структур, относительно которых предполагается, что они ухудшают условия жизни граждан (изменение климата, глобализация, засилье международных концернов, политическая коррупция и т.д.). Такие протесты в современных демократиях являются политической повседневностью. Если раньше организовать большие протестные акции и мобилизовать

к участию своих членов были в состоянии, наряду с политическими партиями, только такие крупные организации гражданского общества как профсоюзы или ассоциации предпринимателей, то с распространением Интернета и для малых групп становится все легче организовывать такие акции через новые социальные медиа (Facebook, Twitter & Co).

Политические протестные акции направляются против запланированных или уже принятых решений правительств и делают политические процессы принятия решений в современных демократических обществах еще сложнее. Наряду с оппозиционными партиями и влиятельными группами интересов в любое время и на всех фазах процесса свои политические требования заявляют также и простые граждане. Хотя организаторами таких протестов почти всегда выступают небольшие группы, протесты, в зависимости от темы, могут приобретать огромный мобилизующий потенциал. Это ставит элиты перед существенной проблемой, так как становится недостаточно готовить политические решения на основе согласования ограниченного числа организованных интересов. Их приходится искать в условиях неопределенно затянутых переговоров, в ходе которых компромиссы могут быть поставлены под сомнение непредусмотренными мобилизационными акциями.

Политическая мобилизация граждан привела одновременно к росту волатильности поведения избирателей, а в Германии также и к фундаментальным изменениям в партийной системе. Подъем Партии зеленых после 1980 года был первым примером создания протестной партии, которая смогла утвердиться. После немецкого объединения сначала в восточногерманских землях к этому добавилась Партия демократического социализма (ПДС) — реформированная бывшая государственная партия ГДР, которая с 2005 года стала действовать и в западных землях в спектре левее социал-демократов. С образованием правопопулистской партии Альтернатива для Германии (АфД) в 2013, которая сначала вела борьбу против евро и против передачи

национальных политических компетенций к органам ЕС, а с 2015 года приобрела популярность на критике наплыва беженцев, политический спектр еще больше расширился. На земельных выборах 2016 года AfD достигла показателей от 10% до более чем 20%, что ранее для новой партии было невозможно представить. Тем самым, с 1980 года немецкая партийная система увеличилась с трех до шести партий. Это повысило партийно-политическую поляризацию и заметно затруднило поиск парламентского большинства.

Рисунок 1. Новые депутаты в немецком Бундестаге

Ввиду этих изменений избирательного поведения устойчивость парламентских мандатов снизилась. Средняя продолжительность мандата в западноевропейских странах снизилась с 2,7 избирательных периодов в 80-е годы до 2,3 избирательных периодов в 1990-е годы. Для Бундестага можно установить сходный тренд с 1957 года. До сих пор он выглядит слабее, что показано в Таблице 2 и на графике. Но, вероятно, это лишь вопрос времени, поскольку расширение немецкой партийной

системы должно отразиться в ускорении темпа обновления парламентов.

Таблица 2

Новые депутаты в немецком Бундестаге

Год выборов	Доля новых депутатов	Год выборов	Доля новых депутатов
1949	100,0%	1983	17,7%
1953	48,1%	1987	21,2%
1957	30,6%	1990	35,5%
1961	25,1%	1994	30,2%
1964	25,5%	1998	24,8%
1969	30,1%	2002	28,7%
1972	28,0%	2005	23,0%
1976	22,6%	2009	32,9%
1980	24,9%	2013	34,2%

Пьер Розанваллон (Rosanvallon 2008) указал на проблему, которая возникает для политических элит вследствие растущей готовности к протестам. Когда сравнительно легко мобилизовать большое число участников против непопулярных политических мер, то политическое решение проблем имеет своей предпосылкой то, что интересы не только артикулированы, но и агрегированы. Для этого в демократиях требуются длительные переговоры различных элитных групп (партий и затронутых групп интересов). СМИ и протестное движение в противоположность этому ограничиваются отклонением политического предложения и имеют очень мало представления о том, что политика есть процесс обменов. В принципе всегда есть много людей, которые недовольны отдельными политическими решениями. Но они могут сегодня это недовольство существенно легче транспортировать в общественную сферу и организовывать

сопротивление. Из-за этого в общественном восприятии политики часто запускается спираль негативизма, которая, с одной стороны, обвиняет элиты в неспособности действовать и одновременно затрудняет дальнейший поиск решения проблемы.

Мойзес Наим (Naím 2013) сделал из того развития заключение, что период полураспада политической, но также и экономической власти в последние десятилетия драматически сократился. Поэтому, на его взгляд, шансы на достижение и поддержание парламентского большинства уменьшились. Также уменьшились власть партийных лидеров в партиях и их сроки пребывания у власти. В качестве подтверждения этого тезиса можно привести СДПГ, которая после отставки Вилли Брандта в 1987 году за короткий срок сменила 11 председателей партии, которые ушли в отставку или были переизбраны, поскольку утратили доверие партийного базиса. С другой стороны, такие политические деформации типичны для периодов быстрых социальных изменений и не должны с неизбежностью вести к политической нестабильности и основательному изменению в элитах, так как элиты всегда имеют возможность в своем поведении успешно приспособиться к процессам изменений. Например, ХДС после поражения на выборах 1998 года Гельмута Коля провела два относительно быстрых изменения в партийном руководстве, в результате которых Ангеле Меркель удалось удерживать в течение 16 лет партийное председательство и 11 лет пост федерального канцлера. Таким образом, можно сделать вывод, что хотя немецкие элиты подвергаются сегодня возросшему давлению со стороны СМИ и избирателей, до настоящего времени это не привело ни к серьезному ослаблению их кооперации на элитном уровне, ни к ослаблению представительских отношений между элитами и гражданами.

ELITES IN GERMANY: HISTORICAL CHANGE AND NEW CHALLENGES

U. Hoffmann-Lange

Abstract. *This chapter analyzes the impact of social and political change on the development of German elites since the early 20th century. It shows that the regime changes Germany experienced affected the structure and outlooks of the elites in different ways. The introduction of the Weimar Republic in 1919 was characterized by a high level of elite continuity. Likewise, the democratization in West Germany after 1945 did not result in an extensive elite transformation, with the exception of the political and the media sectors. In contrast, the establishment of ideocratic regimes both after the National Socialists came to power in 1933 and the communist take-over in East Germany in 1945 resulted in the replacement of formerly autonomous societal elites by loyal followers. Germany's unification in 1990 was unique because it was achieved by incorporating the former GDR into the well-established West German democratic order which was associated with a considerable elite transfer from the West German states.*

Over the last decades, two main societal trends have induced changes in the structure of political decision-making. Germany experienced a vast expansion of political personnel due to the increasing scope of state activities. It is doubtful, however, if this has fostered the formation of a political class with common interests because this sector is rather heterogeneous. The second trend is the political mobilization of ordinary citizens that has induced the formation of a large number of protest movements, increasing voter volatility, the proliferation of new parties and increased turnover in parliaments. Today's German elites have to represent a much higher diversity of interests. So far, they have coped well with these challenges. At the same time, political polarization has considerably increased.

Keywords: *German elites, elite change, elite transfer, regime change, political class, professionalization of politics, political mobilization*

References

- Barnes, Samuel H., Max Kaase et al., 1979: *Political Action. Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills: Sage Publications.
- Bausch, Hans, 1980: *Rundfunkpolitik nach 1945*. Erster Teil. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.
- Bernecker, Walther L., 1979: Die Neugründung der Gewerkschaften in den Westzonen 1945–1949. In: Josef Becker, Theo Stammen und Peter Waldmann

(Hrsg.): *Vor geschichte der Bundesrepublik Deutschland*. München: Wilhelm Fink Verlag, S. 261–292.

Best, Heinrich, 1988: Politische Modernisierung und parlamentarische Führungsgruppen in Deutschland 1867–1918. *Historical Social Research*, Vol. 13, S. 5–74.

Best, Heinrich, 1989: Mandat ohne Macht. Strukturprobleme des deutschen Parla menta ris mus 1867–1933. In: Heinrich Best (Hrsg.): *Politik und Milieu. Wahl- und Elitenforschung im historischen und interkulturellen Vergleich*, St. Katharinen: Scripta Mercaturae Verlag, S. 175–222.

Best, Heinrich und Stefan Jahr, 2006: Politik als prekäres Beschäft igungsverhältnis. Mythos und Realität der Sozialfi gur des Berufspolitikers im wiedervereinten Deutschl and. *Zeitschrift für Parlamentsfragen*, Jg. 37, S. 63–79.

Best, Heinrich, Stefan Jahr und Lars Vogel, 2011: Karrieremuster und Karriere kalküle deutscher Parlamentarier. In: Michael Edinger und Werner Patzelt (Hrsg.): *Politik als Beruf. Politische Vierteljahresschrift , Sonderheft 44/2010*, S. 168–191.

Beyme, Klaus von, 1993: *Die politische Klasse im Parteienstaat*. Frankfurt/Main: Suhrkamp.

Boldt, Hans, 1990: *Deutsche Verfassungsgeschichte*. Band 2: *Von 1806 bis zur Gegenwart*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.

Bukow, Sebastian, 2011: Politik als Beruf — auch ohne Mandat. In: Michael Edinger und Werner Patzelt (Hrsg.): *Politik als Beruf. Politische Vierteljahresschrift , Sonderheft 44/2010*, S. 212–231.

Bürklin, Wilhelm, 1997: Politische Eliten in der Mediendemokratie. In: Karl Rohe (Hrsg.), *Politik und Demokratie in der Informationsgesellschaft*. Baden-Baden: Nomos, S. 55–78.

Bürklin, Wilhelm und Hilke Rebenstorf (Hrsg.), 1997: *Eliten in Deutschland. Rekrutierung und Integration*. Opladen: Leske + Budrich.

Dahrendorf, Ralf, 1965: *Gesellschaft und Demokratie in Deutschland*, München: Piper.

Derlien, Hans-Ulrich, 1993: German Unifi cation and Bureaucratic Transformation. *International Political Science Review*, Jg. 14, S. 319–334.

Derlien, Hans-Ulrich und Stefan Lock, 1994: Eine neue politische Elite? Rekrutierung und Karrieren der Abge ordn eten in den fünf neuen Landtagen, *Zeitschrift für Parla ments fragen*, Heft 1, S. 61–94.

Edinger, Lewis J., 1960: Post-Totalitarian Leadership: Elites in the German Federal Republic. *American Political Science Review*, Jg. 54, S. 58–82.

Edinger, Michael und Bertram Schwarz, 2009: *Leben nach dem Mandat. Eine Studie zu ehemaligen Abgeordneten*. Jena: Universität Jena (SFB 580 Mitteilungen).

(http://www.academia.edu/4748897/Leben_nach_dem_Mandat._Eine_Studie_zu_ehemaligen_Abgeordneten) 26.09.2016.

Femia, Joseph, 2001: *Against the Masses*. Oxford: Oxford University Press.

Frei, Norbert, 2001: *Karrieren im Zwielicht. Hitlers Eliten nach 1945*. Frankfurt/Main: Campus Verlag.

Gruber, Andreas K., 2009: *Der Weg nach ganz oben. Karriereverläufe deutscher Spitzenpolitiker*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.

Herzog, Dietrich, 1975: *Politische Karrieren. Selektion und Professionalisierung politischer Führungsgruppen*. Opladen: Westdeutscher Verlag.

Higley, John, Judith Kullberg und Jan Pakulski, 1996: The Persistence of Postcommunist Elites. *Journal of Democracy*, Jg. 7, S. 133–147.

Higley, John, György Lengyel (Hrsg.), 2000: *Elites After State Socialism*. Lanham: Rowman & Littlefield.

Hoffmann-Lange, Ursula, 1992: *Eliten, Macht und Konflikt in der Bundesrepublik*. Opladen: Leske + Budrich.

Hoffmann-Lange, Ursula, 1997: Demokratieentwicklung und Eliten transformation in Deutschland. *Schweizerische Zeitschrift für Soziologie*, Jg. 23, S. 507–530.

Hoffmann-Lange, Ursula und Wilhelm Bürklin, 1999: Generationswandel in der (west)deutschen Elite. In: Wolfgang Glatzer, Ilona Ostner (Hrsg.): *Deutschland im Wandel*. Opladen: Leske + Budrich, S. 163–177.

Inglehart, Ronald, 1997: *Modernization and Postmodernization*. Princeton: Princeton University Press.

Inglehart, Ronald, 2005: Postmodernization Erodes Respect for Authority, but Increases Support for Democracy. In: Pippa Norris (Hrsg.): *Critical Citizens. Global Support for Democratic Governance*. Oxford: Oxford University Press, S. 236–256.

Inglehart, Ronald, Christian Welzel, 2005: *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kintz, Melanie, 2014: Die Berufsstruktur des Deutschen Bundestages - 18. Wahlperiode. *Zeitschrift für Parlamentsfragen*, Jg. 45 (3); S. 582-595.

Lepsius, M. Rainer, 1973: Parteiensystem und Sozialstruktur. Zum Problem der Demokratisierung der deutschen Gesellschaft. In: Gerhard A. Ritter (Hrsg.): *Die deutschen Parteien vor 1918*. Köln: Kiepenheuer und Witsch, S. 56–80.

Ludz, Peter Christian, 1968: *Parteilite im Wandel*. Opladen: Westdeutscher Verlag.

Meyer, Gerd, 1991: *Die DDR-Machtelite in der Ära Honecker*. Tübingen: A. Francke Verlag.

Mosca, Gaetano, 1939 (1923): *The Ruling Class*. New York: McGraw-Hill.

Naím, Moisés, 2013: *The End of Power*. New York: Basic Books.

Pedersen, Mogens, 1994: Incumbency Success and Defeat in Times of Electoral Turbulences: Patterns of Legislative Recruitment in Denmark 1945–1990. In: Albert Somit et al. (Hrsg.), *The Victorious Incumbent: A Threat to Democracy*. Aldershot: Dartmouth, S. 218–250.

Putnam, Robert D., 1976: *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall.

Redlingshöfer, Bernd und Ursula Hoffmann-Lange, 1998: Die Transformation der kommunalen politischen Elite in den neuen Bundesländern am Beispiel der Gemeindevertretung der Stadt Jena. In: Hans Bertram, Wolfgang Kreher und Irene Müller-Hartmann (Hrsg.): *Systemwechsel zwischen Projekt und Prozeß*. Opladen: Leske + Budrich, S. 697–725.

Rosanvallon, Pierre, 2008: *Counter-Democracy. Politics in an Age of Distrust*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sartori, Giovanni, 1976: *Parties and party systems. A framework for analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Schneider, Eberhard, 1994: *Die politische Funktionselite der DDR*, Opladen: Westdeutscher Verlag.

Schöne, Helmar, 2011: Politik als Beruf: Die zweite Reihe. Zur Rolle von Mitarbeitern im US-Kongress und im Deutschen Bundestag. In: Michael Edinger und Werner Patzelt (Hrsg.): *Politik als Beruf. Politische Vierteljahresschrift, Sonderheft 44/2010*, S. 232–254.

Sheehan, James J., 1976: Conflict and Cohesion Among German Elites in the Nineteenth Century. In: James J. Sheehan (Hrsg.): *Imperial Germany*, New York: New Viewpoints, S. 62–92.

Tornow, Ingo, 1979: Die deutschen Unternehmerverbände 1945–1950. Kontinuität oder Diskontinuität? In: Josef Becker, Theo Stammen und Peter

Waldmann (Hrsg.): *Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland*. München: Wilhelm Fink Verlag, S. 235–260.

Weber, Max, 1992 (1926): *Politik als Beruf*. Stuttgart: Reclam.

Weingart, Peter und Justus Lentsch, 2008: *Wissen — Beraten — Entscheiden. Form und Funktion wissenschaftlicher Politikberatung in Deutschland*. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft .

Zapf, Wolfgang, 1965: *Wandlungen der deutschen Elite*, München: Piper.

Zelinsky, Ulrich, 1979: Bedingungen und Probleme der Neubildung von Führungsgruppen in Deutschland 1945-1949. In: Josef Becker, Theo Stamm und Peter Waldmann (Hrsg.): *Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland*. München: Wilhelm Fink Verlag, S. 217–233.

Перевод с немецкого В.С. Авдонина